

ВСЕГО ТРИ ВСТРЕЧИ (памяти Сергея Григорьевича Кляшторного)

Я искренне сожалею, что не был его другом, я бы очень этим гордился...

Я просто не мог им стать: в силу разницы в возрасте, неравнозначности научного и житейского опыта, из-за редких встреч и значительности расстояний (я – в Харькове, он – в Питере), по причине различия сфер научного приложения личных интересов... и многого другого, что всегда заставляло меня подумать, прежде чем обратиться к нему. Но мне всегда хотелось с ним общаться, хотя это удовольствие я смог себе позволить всего четыре раза: трижды при личной встрече на конференциях и единожды – по электронной почте в печально памятном 2014 году, незадолго до его ухода. Те, кто жил и творил рядом с ним, знают его лучше и скажут об этом. Как человек науки, я понимаю – это брешь «ниже ватерлинии»: несмотря на сотни его работ, он не смог передать все свое богатство знаний кочевого евразийского мира, накопленное им за десятилетия полевых сезонов. К его трудам будет возвращаться еще не одно поколение. Мои же воспоминания – это чисто личные впечатления о встречах и разговорах с близким по духу человеком, отсутствие которого вызывает чувство большой печали и невозполнимой утраты.

Впервые я увидел Сергея Григорьевича на трибуне во время его внепрограммного выступления на Втором международном хазарском коллоквиуме в Подмосковье (Королёво) в 2002 г. Этот невысокий энергичный человек своей живой, эмоциональной речью привлек безусловное внимание присутствующих коллег и, казалось, заполнил собою полупустой зал (излишне большой для такого камерного собрания). Привлекало не только то, что человек был, как говорится, «в теме», но от него исходила свежесть и непосредственность восприятия того, о чем он говорил, вернувшись практически

«с поля». Его доклад вызвал интерес, так как касался малоизученных страниц начальной (азиатской) истории хазар, и вызвал массу вопросов. Его ответы на них не звучали как утверждения, а были приглашением к обсуждению, раздумьями, вариантами возможного толкования, что вовлекало в разговор практически всех присутствующих¹. Я искал с ним встречи для беседы, и не только для того чтобы обсудить его доклад и получить более детальные разъяснения по каким-то вопросам, – мне он был по-человечески интересен...

При нашей встрече конкретно-научная часть разговора по теме его доклада быстро иссякла и перетекла в беседу на более близкую мне тему: «взаимоотношения кочевников и их оседлых соседей». Хронологическая и географическая широта его эрудиции могла бы подавить, но легкость подачи им фактического материала (не обремененная научно-методическим «фундаментализмом»), пересыпаемая воспоминаниями, рассказами о забавных случаях, приглашала к совместному размышлению и выводам, что делало наш разговор не только, безусловно, полезным, но и приятным. Он живо, а не из вежливости, интересовался нашими салтовскими материалами Северского Донца, что-то переспрашивая и уточняя. Я не чувствовал разницы в возрасте и научном положении. Сейчас я понимаю, что Сергей Григорьевич был не только глубоким ученым (теоретиком и практиком), блестящим рассказчиком, но и собеседником «от Бога», что так редко сочетается в человеке вообще, а в нашей научной среде встречается и того реже, к сожалению. Наша беседа подтолкнула меня ко многому...

В том же 2002 г. во время одной конференции в Санкт-Петербурге мне удалось встретиться с ним в его кабинете (в одном из «царственных» домов на берегу Невы близ Зимнего дворца). Мы встретились как давние знакомые, обменялись книгами. Беседа была недолгой, но душевной. Меня интересовала российская научная литература, которой тогда (как и теперь) не хватало в Украине, а его – новые наработки по кочевникам в нашей стране. Увидев, что я рассматриваю его «научные апартаменты», заваленные раскрытыми книгами, какими-то картами, рулонами (чертежи?), он так просто, мимоходом, сообщил, что это «охотничий зал» одного из братьев российского монарха, – и вновь вернулся к беседе. Если

¹ Через несколько лет материалы этого доклада были реализованы в статье: Кляшторный С. Г. Азиатский аспект ранней истории хазар // Евреи и славяне. Т. 16. Москва–Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2005, с. 259–264.

наша первая встреча обогатила меня новыми мыслями, то вторая пополнила, кроме того, и мою библиотеку книгами и надеждами на продолжение наших научных отношений. В то время хазароведение было на подъеме, и я расставался с Сергеем Григорьевичем в предвкушении скорой встречи уже в Украине.

Третий раз мы увиделись год спустя на хазароведческом симпозиуме в Харькове. Я с удовольствием стал практически его личным гидом по Верхнесалтовскому комплексу. Он много спрашивал и внимательно слушал, периодически вздыхал, испытывая гнетущее впечатление от диссонанса научного значения и величия эпонимного памятника и нынешнего его состояния, а также от убожества местного археологического музея. Чувствуя себя хозяином (а я много лет копал этот памятник), я был горд тем, что мы принимаем светил хазароведения на Харьковщине, но (боже мой!) как же мне было стыдно за археологическое состояние Верхнего Салтова! Сергей Григорьевич молчал, ни слова упрека или сожаления, но его глубокие вздохи и печальный взгляд при виде варварских разрушений памятника были красноречивее многих слов... В те дни мы беседовали о его пребывании в Монголии, и его рассказы о нетронутых современным человеком древностях азиатской части Великой степи звучали как альтернатива состоянию наших салтовских памятников. Его рассказ был обращен не сколько к нам (уже не помню, кто еще был при разговоре), сколько к его личному прошлому... К тому времени, вероятно, в связи с возрастом, он уже прекратил свои экспедиции. Сколько же светлой печали было в его вдохновенных словах и даже в паузах, когда он замолкал, как я полагаю, вновь живо переживая то, что многие годы наполняло его жизнь.

А на самом симпозиуме он, по просьбе организаторов, повторил свой прошлогодний доклад о начальных этапах хазарской истории², добавив к нему некоторые новые аспекты осмысления материала. В 2004 г. этот доклад впервые был издан, причем на украинском языке³. И мне приятно вспоминать, что перевод этой работы прошел с моим участием.

² Приглашение Сергея Григорьевича и повторное чтение доклада по той же теме было связано с тем, что на Хазарском коллоквиуме в Королёво большинство украинских специалистов по хазароведению и изучению салтовской культуры не смогли присутствовать.

³ Кляшторний С.Г. Азійський аспект ранньої історії хозар // Хазарський альманах. Т. 2. Харків, 2004, с. 47–51.

Последующие десять с небольшим лет мы не общались (разные страны и разные дороги), хотя я старался следить за его публикациями, которые не часто, но попадали в мои руки. Последнее наше общение было эпистолярным. Я работал над одной местной находкой с руническим текстом и нуждался в консультации специалиста, каковым и был Сергей Григорьевич. Зная, что он болеет, и понимая, что таких, как я, в его жизни было немало, я все же надеялся на ответ. Он быстро откликнулся, уверив, что помнит меня (он даже привел известные лишь нам двоим эпизоды нашей последней встречи в Харькове). Извинившись, что не может быть полезным (он по-мужски скрывал свой недуг), он посоветовал мне обратиться к своему оппоненту по трактовке тюркского рунического письма – Леониду Романовичу Кызласову. И в этом я вижу еще одну положительную грань человеческого характера и научного мышления Сергея Григорьевича – умение признавать заслуги оппонента и принцип «дело – прежде всего».

Вот таким он остался для меня: интересным ученым, пытливым, энергичным исследователем с богатейшим полевым опытом, многогранной личностью и талантливым рассказчиком, человеком, умевшим радоваться жизни и радовать своей жизнью окружающих. Вы, Сергей Григорьевич, оставили после себя богатейшее научное наследие, которое будет востребовано наукой многие и многие годы и, что важно лично для меня, – светлую память и незабываемый образ увлеченного, духовно богатого человека.

С уважением и скорбью
В. В. Колода (Харьков)